

ГЛАВА IV. Профилактика анархизма

Анархисты были первыми, кто указал на иерархию и олигархию как неизбежные последствия любой партийной организации. Анархисты куда лучше, чем социал-демократы или даже синдикалисты, осознают негативные последствия, к которым приводит организация. Они сражаются против авторитета власти, так как видят в нем главный источник несвободы и рабства, начало всех бед человечества. Любое принуждение для них «то же, что тюрьма или полиция» [556]. Им хорошо известно, как социализм подчиненных оказывается ограничен и парализован индивидуализмом лидеров. Чтобы избежать этой очевидной для них опасности, анархисты, несмотря на связанные с этим практические неудобства, отказались от создания партии, по крайней мере в строгом смысле этого слова. Последователи анархизма формально ничем не ограничены. Их не объединяет никакая дисциплина. Им ничего не известно об обязанностях и достижениях, например о выборах, денежных взносах, участии в регулярных собраниях и т. д.

Следствием этих особенностей является то, что типичный руководитель анархистов значительно отличается от типичного лидера социал-демократической партии, сформировавшегося за последние 35 лет. Анархизм не располагает партийной организацией, которая могла бы предложить своим членам выгодные позиции и не стремиться к выгодам на пути парламентаризма. Гораздо меньше сопротивления, меньше соблазнов, меньше поощрения частных амбиций. Это вполне естественно и следует из учения о среде: в руководителях анархизма гораздо заметнее, чем в руководителях социал-демократической партии, проявляются идеальные лидерские качества. Анархисты оторваны от политической практики со всеми ее страстями, прихотями и соблазнами, следовательно, они более объективны в своих суждениях о личностях и явлениях, они созерцательны, замкнуты, но в то же время мечтательны и оторваны от реальности. Среди лидеров анархистов множество образованных, обязательных и скромных людей, которые не утратили способности к настоящей дружбе и которым хватает времени культивировать и питать эти чувства: искренние и глубоко мыслящие люди – Петр Кропоткин, Элизе Реклю, Кристиан Корнелиссен, Эррико Малатеста и многие другие, менее известные их соратники[557]. Но, несмотря на то что лидеры анархистов, как правило, морально превосходят лидеров организованных партий, работающих на политическом поле, им свойственны некоторые качества и претензии, характерные для всех без исключения лидеров. Это подтверждает психологический анализ индивидуальных особенностей каждого из них. Теоретическая борьба против любого авторитаризма, против принуждения, которой многие выдающиеся анархисты посвятили большую часть своей жизни, не подавила в них естественное стремление к власти. Методы власти лидеров анархизма относятся к той эпохе, которую остальные политические партии уже пережили. Это методы апостолов и ораторов: пылающая сила мысли, величие самопожертвования, глубина убеждений[558].

Власть над умами вместо власти над организацией и технической необходимостью.

Но, отказываясь от создания политических партий, анархисты тем не менее придерживаются принципа организации в сфере экономики[559]. Некоторые из них открыто признают необходимость технического руководства массами[560], в то время как другие убеждены, что достаточно ограничить функции лидеров исключительно административной работой, чтобы раз и навсегда устранить различия между лидерами и подчиненными, столь опасные для организации [561]. Как будто технического и административного превосходства лидеров недостаточно, чтобы установить превосходство над массами во всех остальных сферах. Даже Бакунин не предлагал упразднить принципы организации или дисциплины. По его мнению, они должны были проявляться добровольно, а не машинально[562]. Он представлял себе воплощение анархизма в форме федерации постоянных баррикад и предложил создать совет революционной коммуны, состоящий из делегатов, имеющих императивный мандат, по одному или двум от каждой баррикады или по одному от каждой улицы или квартала. Общинный совет, сформированный таким образом, назначает из числа своих членов специальные исполнительные комитеты для всех направлений революционной администрации коммуны. Столица, осуществив успешное восстание и реорганизовавшись как коммуна, объявила бы затем другим регионам страны, что не претендует на какое-либо превосходство над ними, но призывает их к революционной организации и просит отправить своих делегатов на согласованный съезд, чтобы создать федерацию повстанческих объединений, коммун и провинций и тем самым сформировать достаточно сильную оппозиционную власть, способную противостоять любому реакционизму. Маркс, однако, справедливо заметил, что подобные исполнительные комитеты, для того чтобы добиться хоть чего-то, должны быть наделены определенными властными полномочиями и поддерживаться государственной властью. Федеральный парламент имел бы смысл только в том случае, если бы смог организовать государственную власть. Такой парламент, как и общинный совет, мог бы делегировать свои исполнительные полномочия одному или нескольким комитетам, тем самым наделяя их властью в зависимости от потребностей борьбы. Одним словом, весь проект Бакунина пронизан авторитаризмом [563].

Среди анархистов, как и среди синдикалистов, «прямое действие» ценится как «этический принцип», который «противоречит тактике переговоров, взаимных компромиссов, иерархической организации и представительской системе, может обеспечить рабочим более высокий уровень жизни, освободить пролетариат от капитализма и политической централизации благодаря незамедлительной взаимопомощи»[564]. Несмотря на это, анархизм, движение за свободу, основанное на неотъемлемом праве человека на собственную личность, как и социал-демократическая партия, поддается закону авторитаризма, как только покидает область свободных взглядов и его приверженцы объединяются в союзы, преследующие политические цели[565]. Ф. Домела Ньивенхёйс, ветеран анархического социализма с откровенно индивидуалистическими склонностями, остро осознавал опасности, которыми анархизму грозит любой контакт с практической жизнью. На амстердамском конгрессе 1907 года в связи с основанием нового, анархистского Интернационала он высказался против аргументов итальянского анархиста Эррико Малатесты, последователя Бакунина. Малатеста, упомянувший власть буржуазного общества, сказал, что для буржуазии нет ничего лучше, чем столкнуться с

неорганизованными массами трудящихся, и потому необходимо противопоставить могущественной организации богатых еще более мощную организацию бедных. В ответ на это Ньивенхёйс заявил: «Если ты в этом так уверен, дорогой друг, отправляйся к социал-демократам, они твердят то же самое»[566].

Согласно нашим источникам, на этом первом анархистском съезде уже проявились симптомы того дипломатического менталитета, который характерен для всех авторитарных партий. Острогорский предложил заменить партийную организацию, которая неизбежно ведет к антидемократическим формам, системой временных объединений, которые должны существовать только для достижения определенных целей и должны быть распущены, как только эти цели будут достигнуты (лиговая система)[567]. Но даже если бы мы смогли просто упразднить сформированные в ходе истории партийные формации, подобное предложение вряд ли оказалось бы продуктивным. Нет никакого сомнения: анархизм представил нам наиболее абстрактное и идеалистическое видение будущего, пообещал миру порядок, из которого исключена любая концентрация власти, но оказался неспособен логически объяснить существование такого порядка[568].

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:58:19

Зверобой обновил 19 января 2026 23:58:28